

ДОМ краеведение

Небоскреб по дешевке

Легенды

Небоскребы считаются в современной Москве если не элитным, то по крайней мере дорогим жильем. Но так было не всегда. Первый из московских небоскребов построен почти сто лет назад как доходный дом из совсем маленьких (мы бы сказали сейчас — малогабаритных) квартир. Что, впрочем, не помешало ему остаться в истории.

Большой Пнездниковский — один из наиболее загадочных московских переулков. Прежде всего он очень неудобно называется. Это сочетание согласных букв — «дн» — довольно непривычно для акающего и все смягчающего москвича. Так что обычно этот переулочек произносится ошибочно — без «н». И даже пишется с ошибкой — Пнездниковский. Но, к счастью, мало кто заметит эти мелкие неточности. Кстати, это один из немногих московских топонимов, происхождение которых до сих пор неизвестно. Все имеющиеся версии связаны с производными от слова «гнездо», но опять же все карты путает это зловещее «н».

Главное здание в Большом Пнездниковском — так называемый дом Нирнзее.

Больше всего он поражает тех, кто гуляет по Тверской. Если встать рядом с редакцией «Известий» и повернуться лицом к Пушкинской площади, то над крошкой тоскливого серого здания вдруг увидишь кусочек чего-то причудливого: мягкие линии полумансарды и словно какие-то калитки на крыше. А если подойти поближе к памятнику Пушкину, то чудо-крыша сразу же исчезнет.

Это здание называли первым московским небоскребом. Построил его в 1914 году известный архитектор, джентльмен и велосипедист Эрнст-Рихард Карлович Нирнзее. Построил для себя на собственной земле и собственной персоной поселился.

Дом в Большом Пнездниковском и правда был в то время самым высоким в Москве. До него восемь лет лидировала восьмизатяжка с эркерами, возведенная у площади Красных ворот.

Строительство было задумано в 1912 году. Нирнзее обратился в городскую управу: «Прошу разрешить мне по сломке существующих строений выстроить вновь каменное в 9 этажей жилое строение для маленьких квартир с жилым полуподвалом... с отдельной столовой над частью 9 этажа, центральным водяным отоплением, проездными воротами под сводом».

Ключевой момент здесь, разумеется, маленькие квартиры. Мудрый своей немец-

кой мудростью, Эрнст-Рихард Карлович смекнул, что делать деньги на бедных выгоднее, чем на богатых. Ну не то чтобы совсем уж бедных, а так — людей более или менее среднего достатка. И ему, как домовладельцу, будет значительно выгоднее сдать в аренду множество маленьких однокомнатных квартир, чем несколько роскошных апартаментов. И впрямь, квартиры были большей частью однокомнатными и сдавались одиноким москвичам. Комната, маленькая прихожая, санузел — и все. Кухня не предусматривалась, вместо нее упоминается в обращении столовая. То есть Нирнзее был, можно сказать, первым российским архитектором-конструктивистом — по крайней мере, в идеологическом значении этого слова.

Скромным здание было и внешне. Нирнзее писал: «Пять выступов по фасаду сделаны с исключительной целью, во-первых, разнообразить большую плоскость фасада и, во-вторых, средним уступом сгладить излом границы земли посередине владения. Выступая этими эркерами за стены лишь на один аршин, отнюдь не преследуется цель расширения площади 6 верхних этажей».

Вот и вся красота — пять выступов и облицовка плиточной и мозаичной панно на крыше. Современники, конечно, возмущались: «Трудно назвать зданием систему каменных полос, вертикальных и горизонтальных, образующих на фасадах сетчатую основу, громадные застекленные прямоугольники которой зияют, как мертвые глаза».

Это, однако, было одно из первых зданий, изначально построенных как дом дешевых квартир. Сказывалась непривычка.

Впрочем, Нирнзее владел «небоскребом» недолго. 11 августа 1915 года он продал свою собственность известному банкиру и мошеннику Мите Рубинштейну. Возможно, здесь бывал Распутин и устраивал в какой-то из квартир свои «радения». Но это не более чем легенда. Существует лишь одно документально зафиксированное по-

Дом Нирнзее в современной Москве уже не смотрится небоскребом. ФОТО ПАВЛА СМЕРТИНА

сечению скандальным Гришкой дома Нирнзее, но оно состоялось 28 марта 1915 года, когда им еще владел Эрнст-Рихард Карлович.

Правда, есть другая версия: дескать, именно тогда и состоялась сделка, настоящим покупателем был сам Распутин, а Дмитрий Рубинштейн — всего лишь подставным лицом. А третья версия еще занятнее: сначала зданием владел все-таки Рубинштейн, но, задолжав Распутину большую сумму, расплатился домом.

Так что не исключено, что это не только дом Нирнзее, но и дом Распутина.

Впрочем, здание было известно в первую очередь не своими владельцами, а так называемой общественной жизнью. В 1916 году крыша здания сделалась общедоступной. Там открылось кафе, и журнал «Смена и арена» так описывал новое общепитовское место: «Сине-лиловая вечерняя даль Москвы, вышитая бисером огней, силуэты высоких зданий и колоколен на янтарном фоне заката, свежесть ветра, высотой огражденного от пыли, яркие огни кафе и грандиозность крыши, нисколько на понятие «крыша» не похожей, а скорее напоминающей здание курзала в каком-нибудь не из последних курорте». Действительно, высота для Москвы непривычная, вызвала восторг не московские ассоциации.

Там позднее открыли дорогой ресторан, и Булгаков писал: «На нижней платформе,

окаймляющей верхнюю, при набегавшем иногда ветре шестистебли белые салфетки на столах, и фразные лакеи бегали с блестящими блюдами».

А в 1925 году реклама кричала: «Крыша московского небоскреба! Единственное место отдыха, где в центре города предоставляется возможность дышать горным воздухом и наслаждаться широким открытым горизонтом». Сам ресторан работал с шести вечера до двух ночи: «ежедневно пиво, вино, дешево, свежо и вкусно».

Внизу же, в подвальчике, располагалось известнейшее кабаре под названием «Летучая мышь».

Началась эта история, можно сказать, с драмы. Дело в том, что к 1906 году Московский художественный театр стал едва-едва сводить концы с концами. Главные режиссеры — Станиславский с Немировичем-Данченко — приняли решение совершить долгие гастроли по Европе. Театр отпирался в Германию — и прогорел окончательно. Стало ясно, что необходимо возвращаться в Москву, продавать театральное здание, рассчитываясь с пайщиками и больше даже не задумываясь о своем театре. Режиссеры были в ужасе.

Но в этот момент к ним явились два незнакомца. Отреклись от театра Никитой Балиевым и Николаем Тарасовым. Поинтересовались, как идут дела. Посочувствовали. Призались в том, что уже много лет явля-

ются поклонниками МХТ. После чего спросили, сколько денег нужно для того, чтобы театр продолжал гастрольное турне.

Ответ был краток: тридцать тысяч. И тогда Николай Тарасов безвозмездно предложил им эту кругленькую сумму (честно говоря, не слишком обременительную для богача, которым он являлся). Тарасов и Балиев были сразу же оформлены как пайщики театра — пай, разумеется, составил как раз эти тридцать тысяч. По всей видимости, если бы не эта радостная неожиданность, МХТ просто прекратил бы свое существование.

С этого момента Николай Тарасов сделался одним из главных спонсоров театра. Человек он был незаурядный: представитель безумно богатого армяно-черкесского рода, недавно принявший наследство, и при этом денди, богема, спортсмен и любитель прогресса (у Тарасова был самый мощный в городе автомобиль). Пользовался английскими духами, название которых держал в тайне. Ежедневно прогуливался по Кузнецкому мосту, а по завершении прогулки в одиночестве сидел в кондитерской Трамбле (угол Петровки и Кузнецкого, по диагонали от самого современного тогдашнего универмага «Мюр и Мерелиз», нынешний ЦУМ). Кондитерская славилась своими мармеладками из разных фруктов (по полтины фунт), но, разумеется, не это обстоятельство влекло сюда Тарасова. И даже не шикарная возможность наблюдать из широких окон за прогуливающимися здесь после репетиции танцовщицами из Большого. Тарасов, как истинный денди, просто сидел тут за чашечкой кофе и тихо грустил.

Немирович-Данченко писал о нем: «Трудно встретить более законченный тип изящного, привлекательного, в меру скромного и в меру дерзкого денди. Вовсе не поддается под герою Оскара Уайльда, но заставляет вспомнить о них. Вообще не поддается ни под какой тип, сам по себе: прост, искренен, мягок, даже нежен, но смел».

А между тем друзья Тарасов и Балиев начали при МХТ новое дело — кабаре под названием «Летучая мышь» с конферансом Балиева. Главным его правилом было шутить остроумно и не обижаться на шутки. Естественно, мхатовцы справились с этой задачей на ура. Располагались кабаре в подвальчике дома Нирнзее.

Очевидец вспоминал: «Лица, которые мы привыкли видеть важными и деловитыми, стонали от спазм неудержимого хохота. Всех охватило какое-то беззаботное безумие: профессор живописи кричал петухом, художественный критик хрюкал свиньей. Такое мож-

но встретить только на кипучем карнавале в Италии или веселой Франции».

А Иван Бунин был далек от комплиментов. Более того, он описал это кабаре в рассказе «Чистый понедельник»: «Она... пристально смотрела на актеров, с бойкими выкриками и припевами изображавших нечто будто бы парижское, на большого Станиславского с белыми волосами и черными бровями и плотного Москвина в пенсне на корытообразном лице, — оба с нарочитой серьезностью и старательностью, падая назад, выдвигали под хохот публики отчаянный канкан... Потом захрипела, засвистала и загремела, вприпрыжку затопала полькой шарманка...»

Но подобных недоброжелателей было не слишком много.

Слава дома Нирнзее, разумеется, не ограничивалась гастрольными в кабаре «Летучая мышь». Здесь жил футурист Давид Бурлюк, которого частенько навещал Маяковский. Если же не заставал, писал ему записку, которую прятал за зеркало на лестнице. Историческое зеркало время от времени, конечно, разбивалось. Тогда на его место прикрепляли новое, но почему-то каждый раз чуть-чуть короче прежнего. Зеркало, таким образом, все уменьшалось, и в конце концов от этой достопримечательности осталось лишь один рельеф под штукатуркой.

В 1930-х годах на седьмом («барском») этаже проживал главный прокурор Советского Союза А. Я. Вышинский. Ездил он в собственном лифте, закрытом для всех остальных, а по коридору ходил лишь с охранником.

Дом же после того, как была заново отреставрирована Тверская, сразу потерял свое величие. Ефим Зозуля так писал о нем: «Высокий дом, бывший Нирнзее, был той европейской шляпкой, которая наивно, косо и нагло сидела на крупной русской голове. Теперь этот образ ушел. Бывший дом Нирнзее отодвинулся и потускнел. Вокруг выросли громады. Площадь асфальтирована. Огни и исполниские кинорекламы далеко отодвинули нехитрый образ старой Москвы».

Впрочем, этому дому недолго осталось. По проекту того же Ефима Зозули, в 2022 году рухнет бывший дом Нирнзее в Б. Пнездниковском переулке. Руины этого дома будут спрессованы, что образует площадку для спуска и подъема аэропланов. С этого момента начнется настоящее развитие туризма в Москве».

Советский публицист ошибся только адресом: для того чтобы положить начало настоящему развитию туризма, в Москве стоит совсем другие здания.

Алексей Литрофанов

ВЕСЕННЯЯ

Специальная акция

ТОЛЬКО ДО 31 МАРТА!

Традиционно с приходом весны «ДОН-Строй» представляет специальное весеннее предложение, включающее лучшие объекты компании. Известные жилые комплексы расположены в самых привлекательных уголках столицы: в историческом центре, на набережных Москвы-реки, в тихих районах по соседству с парками и рядом с новым деловым центром «Сити».

Только один месяц в году великолепные квартиры предлагаются на специальных весенних условиях. Компания «ДОН-Строй» дает Вам прекрасную возможность сделать подарок, о котором Ваш любимый человек будет помнить на одну весну!

Дом на Покровском бульваре

Уникальные панорамные квартиры площадью от 300 кв. м с видами на исторический центр города.

Дом на Мосфильмовской

Эксклюзивные квартиры от 98 кв. м до 211 кв. м с потрясающими видами на Москву.

Алые Паруса, V корпус

Послевоенные квартиры с видами на воду в жилом комплексе с готовой инфраструктурой.

Дом на Беговой

Квартиры бизнес-класса в центре Москвы от 45 кв. м по цене от 3900 за метр.

СЕНСАЦИЯ®

ОСТАТКИ СЛАДКИ!

В ближайшее время «ДОН-Строй» представит Вашему вниманию 5 новых объектов в классах Business, Premium и De Luxe. Накануне грандиозной премьеры компания завершает продажи в жилых комплексах, находящихся в заключительной стадии реализации, и вводит беспрецедентные условия приобретения последних квартир. Это предложение для тех, кто умеет ждать. Ваш шанс настал!

Сенсационные условия распространяются на квартиры в жилых комплексах «Дом в Сокольниках», «Седьмое Небо», «Измайловский» и «Бирюзова, 33».

Измайловский
Просторные квартиры на верхних этажах с великолепными видами на Измайловский парк.

Дом в Сокольниках
Уникальные террасные квартиры с панорамными видами на Москву и парк Сокольники.

Седьмое Небо
Двуэтажные квартиры премиум-класса с видами на Останкинский пруд и усадьбу Шереметевых.

Бирюзова, 33
Двуэтажные квартиры в готовом доме в элитном квартале северо-запада столицы.